

Бернд Фауленбах

Политические партии Германии в 1914–1918 гг.

Постановка вопроса

В Германской империи политические партии занимали в пирамиде власти подчиненное место, и все же по-прежнему остается спорным вопрос, каким реальным влиянием они тем не менее обладали. Если оценивать политические партии Германии времен Первой мировой войны, то нас в первую очередь интересуют следующие проблемы:

1. Какую роль играли партии в это время? В какой степени изменилась их конституционно-политическая роль по сравнению с предвоенным временем?
2. Какую трансформацию испытала партийная система? Особенный интерес здесь представляет процесс развития левых партий, тенденции раскола и сепаратизма в их среде. Необходимо также отследить аналогичные процессы в стане правых партий и отношения между левым и правым политическими лагерями.

Кроме того, следует задаться вопросом об изменении эпохальных парадигм развития применительно непосредственно к послевоенному времени и двадцатому веку в целом. При этом подоплеку образует знаменитый тезис Джорджа Кеннана о том, что Первая мировая война стала «пракатастрофой XX столетия». Здесь важно понять, в какой мере в партийно-политическом пространстве – здесь я опираюсь на формулировку Эрика Хобсбаума¹ – уже тогда предварительно сформировалась или даже полностью сложилась «эпоха крайностей»? То, что аналогии в развитии Германии и России представляют для нас особый интерес, является совершенно очевидным.

В первую очередь я хотел бы заняться анализом исходного политического положения, а именно того, как партии повели себя в условиях провозглашенного кайзером гражданского мира в начале войны и в последующие два первых военных года, роли правых партий и переформирования крайне правых сил, а также причин раскола социал-демократического рабочего движения. В этом контексте особое значение приобретает вопрос о том, насколько тогда уже сформировалась предрасположенность к новой поляризации партийной системы. И в заключение я хотел бы обратиться к истории формирования большинства в Рейхстаге, выступившего

¹ *Hobsbawm E. Das Zeitalter der Extreme: Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts. München; Wien, 1995.*

в поддержку «мирной резолюции», рассмотреть позднюю парламентаризацию и ее последствия, чтобы в конечном итоге сделать короткий вывод касательно проблемы трансформации партий и партийной системы в Германии в годы Первой мировой войны.

Исходное положение: гражданский мир и партии

4 августа 1914 г. кайзер Вильгельм II в своей тронной речи, произнесенной перед Рейхстагом в Белом Зале Берлинского Городского дворца, провозгласил политику гражданского мира. В частности кайзер заявил, что немцами движет отнюдь не «жажда завоеваний», тем самым он представил войну как оборонительную, навязанную Германии извне. Наряду с этим Вильгельм подчеркнул, что с этого момента он не признает «никаких партий», так как для него теперь существуют «только немцы». Это высказывание, с помощью которого кайзер пытался продемонстрировать приоритет народного единения над всем остальным, в то же время подчеркивало релятивизм партийной деятельности и тем самым отвечало традиционному немецкому презрению к партиям. Хотя социал-демократы отсутствовали во дворце во время чтения тронной речи, они, как и все остальные партии, являлись частью национального «оборонительного фронта» и – как и буржуазные партии – одобрили различные «военные законы», в том числе и военные кредиты, пусть и после ожесточенной внутрифракционной дискуссии. В свою очередь правительство не приняло в их отношении какие-либо меры безопасности. Такое развитие событий было вполне объяснимым, хотя и вызвало удивление у некоторых современников. Гуго Гаазе, один из двух сопредседателей СДПГ, высказал в Рейхстаге сожаление по поводу неудачи, постигшей предпринятые им самим усилия по сохранению мира, однако после этого заявил: «В час опасности мы не оставим наше отечество в беде».²

На самом деле СДПГ, несмотря на весь свой интернационализм, уже во времена Августа Бебеля сделала несомненный выбор в пользу принципа защиты своего отечества. На международном социалистическом конгрессе, состоявшемся в Штутгарте в 1907 г., немецкие социал-демократы из реалистических соображений выступили против предложения французской делегации, согласно которому «социал-демократы всех стран были обязаны организовать массовую революционную забастовку в случае непосредственной угрозы войны» (Густав Майер).³ Бебель сомневался в том, что автоматизм такого рода приведет ко всеобщей победоносной забастовке, поскольку, например, немецкие профсоюзы были против политической забастовки. Компромисс, к которому социал-демократы пришли в конечном итоге, предусматривал, что парламентарии-социалисты будут обязаны сделать все, чтобы воспрепятствовать развязыванию войны за счет «применения средств, которые они посчитают наиболее действенными».

² Заявление Гуго Гаазе от имени фракции СДПГ от 4 авг. 1914. См: *Fenske H.* (Hrsg.): *Unter Wilhelm II. 1890–1918*. Darmstadt, 1982, S. 371.

³ *Mayer G.* *Erinnerungen: Vom Journalisten zum Historiker der deutschen Arbeiterbewegung*. Hildesheim; Zürich; New York, 1993. S. 178.

Еще в конце июля 1914 г. немецкие социал-демократы устраивали массовые антивоенные демонстрации и осуждали ультиматум, предъявленный Сербии. В критические июльские дни руководство партии также отправило в Париж Германа Мюллера, чтобы обсудить возможность совместных действий. Однако немецкие социал-демократы были вынуждены констатировать, что их французские товарищи, которых после убийства Жана Жореса возглавил Марсель Самба, уже стали частью „Union sacrée“. Что же касается переориентации немецких социал-демократов, то здесь решающим фактором, наряду с национальным воодушевлением, которое в особенности захлестнуло руководство профсоюзов с его близостью к массам, стала угрожающая позиция, занятая царским правительством России и отданный им приказ о проведении всеобщей мобилизации. Социал-демократия, весьма плохо информированная о внешнеполитическом положении – что было связано как со спецификой немецкой конституционной системы, так и с изоляцией социал-демократического рабочего движения – полагала, что Германский рейх является жертвой нападения, в первую очередь – со стороны царской России, которая расценивалась как оплот реакции. Таким образом, прозападнически настроенные немецкие социалисты посчитали себя обязанными выступить на защиту Германии и как немцы, и как поборники социальной демократии. Еще в марте 1904 г. Бебель заявил в Рейхстаге, что в случае нападения России он возьмет винтовку на плечо.⁴

Отношение немецких социал-демократов к войне имеет параллели в социалистическом лагере большинства других европейских стран, за исключением Италии и России: социал-демократы повели себя в своих странах так, как и большинство населения.⁵ В случае с немецкими социал-демократами свою роль также сыграла надежда на их политико-правовое признание (которая была особенно сильна в рядах профсоюзных деятелей) и на общественно-политические реформы. В первую очередь речь шла об упразднении трехклассной избирательной системы в Пруссии и о новом соотношении сил между парламентом и правительством, что в конечном итоге означало введение парламентской формы правления.

Однако гражданский мир оказался весьма хрупким образованием. Уже даже представления о войне у политиков и у общества разнились с самого начала. Все верили в то, что Германия ведет оборонительную войну, однако для буржуазных партий и властной элиты такая война была связана с целью добиться превращения Германии в мировую державу, что также не исключало аннексий. По этому поводу разгорелась самая настоящая дискуссия, в которой речь вскоре пошла о территориальных приобретениях в Бельгии и во Франции. Помимо этого, буржуазные слои немецкого общества рассматривали войну как «войну культур», в ходе которой необходимо было защитить «идеи 1914 г.» от «идей 1789 г.». Социал-демократы не могли поддержать ни одну из этих двух тенденций, поэтому в партии укрепилась позиция тех, кто с самого начала рассматривал вооруженное противостояние как империалистическую войну.

⁴ Эта фраза прозвучала в выступлении А. Бебеля в Рейхстаге 7 марта 1904 г., а также на съезде СДПГ в Эссене в 1907 г.

⁵ См.: *Leonhard J. Die Büchse der Pandora: Geschichte des Ersten Weltkriegs*. München, 2014. S. 110–115.

Напластование различных проблем (см. ниже) привело к тому, что партийно-политические противоречия вскоре снова обострились, поставив под угрозу гражданский мир:

- Война длилась гораздо дольше, чем ожидалось, она стоила огромных жертв и привела к обеднению части средних и низших слоев общества.
- Реформы встретили ожесточенное сопротивление, в особенности со стороны консервативных кругов Пруссии.
- Не был преодолен антагонизм между правительством и партиями; идея парламентаризации не получила какого-либо одобрения у старых властных элит, кроме того, партии не смогли прийти по этому вопросу к солидарной позиции.
- Дискуссия об аннексионистских целях войны противоречила, с точки зрения левых, характеру оборонительной войны.
- Рабочее движение несомненно добилось определенного признания, в особенности это касалось профсоюзов, которые были официально признаны в результате принятия в декабре 1916 г. закона о вспомогательной службе Отечеству и до известной степени взяли на себя общественные функции. Но этого было слишком мало, чтобы удовлетворить притязания рабочего движения, тем более что в ходе длительной войны росли страдания и увеличивалось недовольство народных масс.
- Центристская «политика диагонали» канцлера Теобальда фон Бетмана-Гольвега, с помощью которой он стремился удовлетворить притязания всех сторон, справлялась с этой задачей чем дальше, тем хуже, что вызывало в особенности нападки со стороны правого лагеря. В итоге Бетман-Гольвег был смещен со своего поста в 1917 г.

В 1917–1918 гг. политика гражданского мира распалась на фрагменты и представляла собой лишь фасад политической жизни Германского рейха. Партийно-политические противоречия усилились.

Трансформация партий и партийной системы

Колоссальные тяготы, которые принесла с собой современная массовая война, а также ее воздействие на жизнь Германии коренным образом изменили политический климат страны и усилили все имевшиеся политические и общественные противоречия. В отношении партий это имело тройственное следствие:

- Партии все сильнее и сильнее критиковали руководство рейха, поскольку конституционная система в недостаточной степени интегрировала партии в политическую систему страны.
- Произошла радикализация крайне правых и крайне левых сил, что привело к определенной политической «поляризации». При этом схематически уже можно было распознать ядро новых партий как слева, так и справа (хотя разделительные линии между «новыми» и «старыми» партиями были еще весьма нечеткими).

- Партии пытались приобрести все больше влияния на правительство и добиться таким образом введения парламентской системы, хотя и необязательно по английскому образцу.

Внутриполитическая ситуация в сфере власти усложнялась еще и в результате того, что кайзер все больше терял влияние, в то время как Верховное главнокомандование в лице Пауля фон Гинденбурга и Эриха Людендорфа начиная с 1916 г. превратилось в важный центр власти.

Радикализация на правом политическом фланге

Лагерь правых уже достаточно рано испытал радикализацию, которая нашла свое отражение в острой критике в адрес руководства рейха. Консерваторы особенно резко выступали против реформы конституции и ликвидации прусской трехклассной избирательной системы. Еще одним существенным моментом была поддержка далеко идущих военных целей, которые канцлер Бетман-Гольвег считал своими лишь обусловлено. Противники конституционной реформы и аннексионисты поначалу не были идентичны, но обе группы пересекались между собой. Представители национал-либералов и депутаты от партии католического Центра охотно относили себя к аннексионистам, однако не считали реформы конституционной системы и избирательного права ошибочными *per se*.

В 1916–1917 гг. в правом лагере заметной величиной стали силы, которые все ожесточенней атаковали Бетмана-Гольвега и требовали поставить во главе рейха диктатора, в роли которого видели высокопоставленного военного, такого как Гинденбург, при этом диктатор должен был формально занимать пост рейхсканцлера. Помимо этого, даже обсуждалась возможность установления военной диктатуры, которая опиралась бы на широкую поддержку снизу. Когда же в ходе войны усилились умеренные реформаторы и в результате политического поворота Маттиаса Эрцбергера, видного деятеля католического Центра, сформировалась группа, сумевшая добиться принятия Рейхстагом резолюции, выработанной межфракционным комитетом в составе ведущих деятелей социал-демократов большинства, Центра и прогрессистской партии, – все это стало катализатором для формирования правового движения нового качества, которое, с одной стороны, выступало единым фронтом как против конституционной дискуссии, так и парламентского большинства, требовавшего заключения мира, с другой стороны являлось бескомпромиссным поборником национального единства и немецких интересов. Это движение, которое стало именоваться Немецкой отечественной партией, апеллировало к кайзеру Вильгельму I и Отто фон Бисмарку с их борьбой против «вредного партийного духа». Таким образом, Немецкая отечественная партия по сути являлась антипартией, которая стремилась к тому, чтобы «в этот наиболее великий и суровый час немецкой истории» освободить «немецкое отечество» от мнимого исконного недуга раздора и партийности.⁶

⁶ Призыв Немецкой отечественной партии от 2 сент. 1917 г. Опубликовано: *Mommsen W. Deutsche Parteiprogramme*. 3. Aufl. München, 1960. S. 417–419, здесь S. 418.

У истоков проекта создания Немецкой отечественной партии стоял восточно-прусский генеральный ландшафт-директор Вольфганг Капп (который станет знаменитым спустя несколько лет в результате «путча Каппа-Лютвица»); в качестве первого председателя партии сначала рассматривался поборник империализма, историк-«неоранкеанец» Макс Ленц, однако в итоге вождями движения и партии в целом стали адмирал Альфред фон Тирпиц и Иоганн Альбрехт, герцог Мекленбург-Шверинский. В руководящий комитет партии входили также Генрих Класс от Пангерманского союза и крайние националистические историки Георг фон Белов и Дитрих Шефер. Закулисную часть руководства составляли могущественные представители немецкой промышленности Гуго Штиннес, Эмиль Кирдорф, Альфред Гугенберг (на тот момент директор концерна Круппа), Вильгельм фон Сименс и Вильгельм Бойкенберг. Это радикальное националистическое движение достигло в 1917–1918 гг. численности 1,25 млн. человек, причем 800 000 были индивидуальными и 450 000 – корпоративными членами.

Немецкая отечественная партия имела ярко выраженную экспансионистскую программу, которая призывала к аннексии Голландии, Люксембурга, Бельгии с фландрским побережьем и Северной Франции – на Западе, а также Прибалтики, ряда областей Белоруссии и Украины – на Востоке. Фридрих Мейнеке полагал после 1945 г., что это движение предвосхитило цели Гитлера. Ганс-Ульрих Велер охарактеризовал Немецкую отечественную партию как «праворадикальную протофашистскую массовую партию»⁷, выступавшую за авторитарную перестройку общества. На самом деле эти характеристики указывают скорее на тенденции уже послевоенного периода. Как бы то ни было, партия-антипод, «Народный союз за мир и отечество», основанная в 1917 г., по своей численности серьезно проигрывала Немецкой отечественной партии.

Раскол СДПГ

Немаловажное значение конечно же имел раскол немецкой социал-демократии, который ни в коем случае нельзя свести к противостоянию между социал-демократами и коммунистами. В то же время этот раскол не был, как считает Карл Шорске, простым продолжением тенденций довоенного времени, когда сформировались разные партийные крылья.⁸ Такая трактовка является следствием недооценки специфического воздействия войны.

«Яблоком раздора» стал вопрос о военных кредитах, согласие на которые стало суммой представлений об оборонительной войне и ожиданий внутривнутриполитических реформ на базе поддержки дела защиты родины. Такая позиция ни в коем случае не исключала – как покажут события 1916–1917 гг. – критики аннексий и империалистической направленности войны, а также критики отказа от реформ. Что же

⁷ Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 4: Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten: 1914–1949. 2. Aufl. München, 2003. S. 108.

⁸ Schorske C. E. Die große Spaltung: Die deutsche Sozialdemokratie 1905–1917. Berlin, 1981 (англ. изд.: Schorske C. E. German Social Democracy 1905–1917: The development of the great schism. Cambridge, 1955).

касается отклонения военных кредитов, к чему с декабря 1914 г. склонялось все большее число депутатов, то здесь можно привести весьма различные мотивы. Речь может идти как о принципиальном отрицании войны как события, порожденного империализмом, как это было в случае с «группой Интернационал» (будущими «спартаковцами»), но также и о неприятии господствовавшей политики военного времени и целей войны, о реакции на растущие протесты трудящегося населения против чудовищных жертв и тягот войны, на увеличивавшуюся тоску по миру или на разочарование практической стороной осадного положения. В процессе возникновения раскола социал-демократической партии свою роль не в последнюю очередь сыграл вопрос внутрипартийного обхождения с мнением меньшинства и специфическое понимание внутрипартийной дисциплины, которое было связано с представлением о рабочем движении как боевой организации.⁹ Во всяком случае исключение меньшинства из социал-демократической фракции последовало после острой речи Гаазе в Рейхстаге 23 марта 1916 г., а также после того, как меньшинство неожиданно проголосовало на пленуме против «особого бюджета».

Если взглянуть на депутатов от Социал-демократической партии большинства и от Независимой СДПГ, то следует констатировать, что ряд скорее левых депутатов, таких как Конрад Гениш и Пауль Ленш, остались в рядах СДПГ-большинства, в то время как к НСДПГ принадлежали теоретик ревизионизма Эдуард Бернштейн, а также некоторые представители партийного центра, такие как Карл Каутский, выходец из рядов левых либералов Рудольф Брейтшейд, представители левых прагматиков типа Курта Эйснера, Гуго Гаазе или Эммануэля Вурма. К левым также относились Георг Ледебур, Вильгельм Диттман и другие, в том числе бременские революционеры. Кроме того, с НСДПГ поддерживала контакты «группа Спартака» во главе с Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург, Лео Йогихесом и Кларой Цеткин, из которых однако никто не смог достичь руководящих позиций в НСДПГ, формально созданной в 1917 г. в г. Гота.

Так или иначе, разрыв между СДПГ и социал-демократической трудовой группой (с 1917 г. – НСДПГ) затронул всю партию, при этом около 2/3 членов осталось в рядах социал-демократии большинства, что позволило последней сохранить за собой большинство партийных газет и журналов, а также сменить тех редакторов, которые заявили о своей приверженности НСДПГ. Часть левых центров не перешла под контроль НСДПГ.

В общем и целом в НСДПГ преобладали левые депутаты, но при этом нельзя было не заметить исключения. «Независимая» оказалась весьма разнородной партией: в то время как в 1918–1919 гг. её умеренное крыло не высказывало каких-либо принципиальных соображений против созыва Германского национального собрания, левое революционное крыло стремилось передать «всю власть советам». Коммунистическая партия Германии, основанная на рубеже 1918–1919 гг., отличалась как от СДПГ-большинства, так и от множества членов НСДПГ своим центральным программным положением: установлением диктатуры пролетариата вместо демократии по западному образцу.

⁹ Cp.: Miller S. Burgfrieden und Klassenkampf: Die deutsche Sozialdemokratie im Ersten Weltkrieg. Düsseldorf, 1974.

Не только КПП возникла после Первой мировой войны, в свою очередь СДПГ шаг за шагом трансформировалась в принципиально реформистскую партию, которая прежде всего отклоняла развитие по коммунистическому пути по примеру Советской России.

Формирование новой расстановки партий в Рейхстаге?

Начиная с зимы 1916–1917 гг. изменились не только очертания партийно-политического спектра, но и политика других партий, которые наряду с Верховным главнокомандованием усиленно обсуждали как вопрос о целях войны, так и вопрос внутренних реформ. Оба эти вопроса были тесно связаны друг с другом и становились все более насущными перед лицом огромных людских потерь и экономических трудностей, в особенности проблемы снабжения народа и армии. Ситуация значительно обострилась в результате Февральской революции 1917 г. в России, которую демократические силы рассматривали как поощрение к действию. Кроме того, в результате революции «вышел в тираж» враждебный образ царизма, который играл в «военной» мотивации социал-демократов важную роль. Ко всему этому добавились голодные бунты и социальные конфликты. Во всяком случае именно социал-демократы большинства стали форсировать обсуждение в Рейхстаге обоих комплексов проблем. В марте 1917 г. перед лицом обострившейся ситуации СДПГ-большинства, Прогрессистская партия и даже национал-либералы заговорили о необходимости реформ для сохранения воли к победе. Таким образом стал вырисовываться неформальный консенсус от Густава Штрэземана до Филиппа Шейдемана. Теперь парламентарии обсуждали целый ряд мероприятий, в том числе речь шла о правах Рейхстага. Дискуссия вокруг вопросов конституционной реформы и заключения мира обусловила кризис, который привел к падению канцлера Бетмана-Гольвега в июле 1917 г.

Расстановка партийных сил по вопросу о мире модифицировалась, как уже говорилось, в результате изменения позиции, которую занимал влиятельный вождь партии католического Центра Эрцбергер. Ранее он был убежденным сторонником аннексий, но потом — главным образом убедившись в безуспешности подводной войны — сделал выбор в пользу компромиссного мира. В межфракционном комитете, включавшем в себя депутатов от Центра, СДПГ-большинства и Прогрессистской партии, в котором уже вырисовывалась новая конфигурация власти, была выработана упоминавшаяся выше мирная резолюция, зачитанная 19 июля 1917 г. депутатом от Центра Константином Ференбахом. Эта резолюция имела большое значение применительно к формированию воли парламента. Она опиралась на тронную речь от 4 августа 1914 г.: «нами движет отнюдь не жажда завоеваний», напротив, говорилось в резолюции, речь идет о защите свободы и независимости, а также неприкосновенности территориальной целостности Германии. Вслед за этим следовали наиболее важные предложения: «Рейхстаг стремится к миру, основанному на взаимных компромиссах и длительном примирении между народами. С таким миром несовместимы территориальные приобретения, достигнутые насильственным путем, а также

политическое, экономическое и финансовое насилие». ¹⁰ Далее речь шла о свободе морских коммуникаций, экономическом мире и создании международных правовых организаций. Однако резолюция заканчивалась — и это понизило ее внешнеполитическое воздействие — в том числе заверением в незыблемости воли немецкого народа «стоять как один человек, держаться неколебимо и бороться до тех пор, пока не будет обеспечено его право и право его союзников на жизнь и развитие». ¹¹ Эти слова звучали как призыв держаться до конца.

И все же «мирная резолюция» имела значение, поскольку:

- Это был шаг в направлении парламентаризации.
- Она впервые объединила большинство Рейхстага в рамках умеренной позиции.
- Возникла группа в составе социал-демократии большинства, Центра и Прогрессистской партии, которая в 1919 г. сыграла решающую роль в подготовке конституции демократической республики.
- Резолюция стимулировала процесс радикализации на правом фланге политического спектра.

И хотя в 1918 г. казалось, что наметилось сближение между СДПГ-большинства и НСДПГ, однако пропасть между обеими социал-демократическими партиями тем временем стала настолько глубокой, что ее нельзя было преодолеть на тот момент.

При рейхсканцлере графе Георге фон Гертлинге сформировалась полупарламентская форма правления, но новое большинство на самом деле не прилагало решительных усилий для того, чтобы добиться установления парламентской системы (по английскому образцу). В свою очередь консервативные силы оказывали затяжное сопротивление введению всеобщего избирательного права в Пруссии.

Здесь нет возможности подробно отобразить дальнейшее развитие ситуации, например забастовку на предприятиях оборонной промышленности в январе 1918 г. и попытки СДПГ-большинства утихомирить рабочих, что также означало пойти навстречу части требований бастующих. Вслед за этим коалиция партий образца июля 1917 г. пострадала в результате подписания Брест-Литовского мирного договора, который вызвал ожесточенную критику, в том числе в рядах СДПГ-большинства, поскольку он противоречил духу компромиссного мира. В любом случае левое крыло рассматривало Брест-Литовск как «насильственный мир» и в этом духе выступил на пленуме депутат Рейхстага Эдуард Давид, который скорее принадлежал к правой части социал-демократической фракции. В ходе голосования в Рейхстаге фракция СДПГ-большинства воздержалась, тогда как буржуазные партии одобрили мирный договор. В этом контексте «июльская коалиция» проявила себя лишь в том, что СДПГ-большинства поддержала своими голосами резолюцию об обеспечении права малых народов на самоопределение.

Для затянувшегося процесса парламентаризации, в условиях отсутствия подходящей кандидатуры на пост рейхсканцлера, было характерным то, что лишь после того

¹⁰ Текст «Мирной резолюции» опубликован в: *Mommsen W.* (Hrsg.). *Deutsche Parteiprogramme*. S. 414.

¹¹ Там же.

как Гинденбург и Людендорф сочли войну проигранной и в дальнейшем освободили дорогу для участия в правительстве представителям «июльского большинства», он наконец-то получил свое реальное воплощение в канцлерство Макса Баденского. В правительстве под его руководством были представлены Прогрессистская партия в лице Фридриха фон Пайера и Конрада Хаусмана, партий католического Центра в лице Адольфа Гребера и Маттиаса Эрцбергера, а также СДПГ-большинства в лице Густава Бауэра и Филиппа Шейдемана, причем последний, как и Эрцбергер, получил пост статс-секретаря без портфеля. Октябрьские реформы, в рамках которых наконец-то был урегулирован избирательный вопрос в Пруссии (при этом новый порядок еще не вступил в силу) реализовали часть нововведений, к которым стремилось парламентское большинство в годы войны. Однако они не смогли предотвратить Ноябрьскую революцию.

Под знаком Ноябрьской революции произошло новое сближение СДПГ-большинства и НСДПГ, которые вместе сформировали Совет народных уполномоченных. В этом сближении свою роль сыграли как разнородность персонального состава НСДПГ, так и непреклонная воля СДПГ-большинства, добиваться установления нового порядка, включая общественно-экономические новации, путем парламентского законодательства, причем развитие событий в России все больше выступало негативным фоном. В итоге коалиция в составе СДПГ-большинства, Центра и Немецкой демократической партии (в которую тем временем трансформировалась Прогрессистская партия) со временем стала добиваться все большего признания. Однако большой проблемой было то, что уже в результате первых выборов в Рейхстаг в 1920 г. она утратила парламентское большинство. Только в Пруссии, которая стала настоящим оплотом немецкой демократии, Веймарская партийная коалиция правила практически беспрерывно до 1932 г.

Заключительные замечания

Политические партии, на которые в свою очередь наложила свой отпечаток система конституционной монархии, без сомнения приобрели в течение войны существенное значение. В условиях политики «гражданского мира» они сначала потеряли в политическом весе, но ситуация изменилась самое позднее в 1917 г. С этого времени в Рейхстаге сформировалось большинство, которое в качестве общей платформы расценивало умеренную позицию по вопросу заключения мира, а также, несмотря на разницу во мнениях, стремилось реализовать ряд реформ.

Казалось бы, что в годы войны система пяти партий довоенного времени продолжила свое существование. Однако в то же время наметилась четкая тенденция к поляризации. С одной стороны, социал-демократия раскололась на СДПГ-большинства и НСДПГ, причем для НСДПГ была характерна ярко выраженная неоднородность и отчасти она также была носителем нового радикализма (хотя и не была с ним идентична). С другой стороны, во время войны проявился новый правый экстремизм, в котором слились решительное неприятие демократических реформ

и новый ультранационализм. Таким образом, уже стали различимыми позиции, которые позднее доминировали в фашистском движении.

В монархическо-конституционной системе кайзеровской Германии партиям не удалось во время войны своевременно подчинить правительство своей воле и подхватить таким образом проблемы населения, терпящего бедствия и несущего потери, чтобы граждане действительно почувствовали, что их политико-общественные интересы представлены во власти в достаточной мере. Подводя итог, можно говорить о провале кайзеровского государства, чья способность к реформированию оказалась ограниченной, помимо других причин, также из-за дефектов политической системы времен Первой мировой войны. В военных условиях политические партии только относительно сумели дорасти до уровня, который гарантировал тесное сплочение народной воли и правительства. И все же в 1918–1919 гг. демократическая парламентская система Запада одержала верх. Однако наследие кайзеровского государства и радикализм войны продолжали оказывать свое влияние на жизнь Веймарской республики.